

— Неплохо ты сказал, гэр. Есть в тебе кое-какое понимание.

Старому господину было на вид за шестьдесят. Волосы у него уже поседели, но были причёсаны волосок к волоску и туго перевязаны такой же тёмно-синей лентой. Подбородок украшала длинная борода. По его облику сразу было видно: перед ними учёный-конфуцианец, человек большой книжной учёности.

Лю Гуюй считал, что глаз у него намётанный, и, увидев этого старого господина, предположил, что тот, возможно, наставник из академии Лумин. Академия Лумин находилась не так уж далеко от рынка, так что её ученики и наставники вполне могли заглянуть сюда погулять в рыночный день.

Старый господин, поглаживая бороду, подошёл ближе и, глядя на Лю Гуюя, спросил:

— Хорошо сказано: «с древних времён многие ли возвращались с войны»... Ты учился грамоте?

Услышав это, Цинь Жунши не удержался и посмотрел на Лю Гуюя, догадываясь, что тот снова вытащит ту отговорку, которой уже едва не до дыр затёр. И точно: Лю Гуюй слегка улыбнулся и ответил:

— Мой отец был сюцаем. С детства я учился у него грамоте и читал книги, которые он оставил.

Старый господин кивнул и тихо пробормотал:

— Неплохо, неплохо, неплохо.

Сказав это, он снова посмотрел на Цинь Жунши и спросил:

— А ты, мальчик, тоже говоришь не просто так. Также учился?

Раз уж спросили его, Цинь Жунши чинно поклонился. Спина у него была прямая, как сосна и бамбук.

— Отвечаю господину: немного учился.

Старый господин слегка кивнул и спросил:

— На экзамены уже выходил?

Цинь Жунши ответил:

— Этот ученик сейчас туншэн.

Брови старого господина чуть приподнялись. Он явно удивился, и взгляд, которым он смотрел на Цинь Жунши, изменился: в нём появилось одобрение.

— В таком юном возрасте уже туншэн? И правда хороший росток для пути государственных экзаменов.

Он хоть и оценил его, но больше говорить об этом не стал. Похвалив ещё несколькими словами, старик отвёл взгляд и посмотрел на угощения, разложенные на лотке Лю Гуюя. И тут его глаза расширились. Взгляд засиял, а голос сразу стал гораздо бодрее. Он указал на красные бобы, которые уже разварились до песочной густоты и побулькивали в котелке, и спросил:

— Сколько стоит эта похлёбка с красными бобами и рисовыми шариками?

Цинь Жунши ответил:

— Красные бобы с юаньцзы - семь вэней за чашу, сладкий суп - пять вэней, боцзайгао - два вэня за штуку.

Старый господин рассмеялся, поспешно сунул руку в широкий рукав, вытащил кошелёк и, наклонившись ближе, тихо сказал:

— Дайте мне всего по одному. Давно я не возвращался в Фушуй, и не думал, что теперь тут появились такие свежие лакомства. Надо попробовать!

Сказав это, он ещё и подчеркнул:

— Сахара побольше!

Лю Гуюй поспешно с улыбкой согласился и принялся варить шарики и подогревать сладкую похлёбку. И как раз в этот момент к ним торопливо подбежал юноша лет семнадцати-восемнадцати. Он бежал и кричал: «Учитель!», явно кого-то разыскивая.

Услышав голос, старый господин машинально хотел спрятаться за лотком Лю Гуюя, но не успел и шагу сделать, как его уже заметили. Юноша подбежал, сердито уставился на него и с суровым лицом принялся отчитывать:

— Учитель! Вы почему опять тайком убежали на рынок! Ай-ай, здесь же всё сладости продают! Сколько вы уже съели? Врач ведь сказал, что вам нельзя есть так много сладкого! Почему вы не слушаетесь?

Старца, который ещё недавно невольно вызывал уважение, теперь младший так отчитывал, что тот и головы поднять не мог. Лю Гуюй покосился на них и не удержался от вопроса:

— Эм... вам всё ещё нужно?

Не дожидаясь, пока юноша ответит, старый господин первым вытянул шею и тихо сказал:

— Нужно, нужно.

Прекрасно. Старый господин, который ещё мгновение назад казался степенным и мудрым, вмиг превратился в старого проказника. Юношу это совсем рассердило; он надулся и уставился на него.

Лю Гуюй тихо рассмеялся, но не стал класть сахара столько, сколько просил старый господин. Он добавил, как обычно, в меру: вкус был не пресным, но и не приторным. Они с Цинь Жунши подали еду. Юноша на словах запрещал, но всё равно протянул руку и помог её взять.

Старый и молодой ушли, и даже издали ещё доносилась их перебранка.

— Цзисян! Это я купил, я заплатил! Почему ты съел моё?

— Мм... врач сказал, что вам нельзя есть столько сладкого. Я же ради вашего здоровья.

— Эй! Паршивец! Ты вообще знаешь, что старших уважать надо?!

...

Лю Гуюй, сдерживая улыбку, отвёл взгляд, снова посмотрел на Цинь Жунши и толкнул его плечом.

— Ты тоже сладкое любишь. Неужто в старости таким же станешь?

Цинь Жунши уже снова читал. Он спокойно перевернул страницу, лицо у него было невозмутимое, тон ровный:

— Я не люблю сладкое.

Едва он это сказал, как Лю Гуюй тут же зажал ему рот. И ещё стал над ним смеяться:

— У мёртвой утки клюв твёрдый *!

(ПП: Это китайская идиома, которая описывает человека, который упрямо не признаёт своих ошибок, спорит и стоит на своём, даже когда очевидно, что он неправ)

Пальцы у Лю Гуюя были тёплые, на подушечках - тонкие мозоли, но, касаясь губ, они казались очень мягкими. Если бы Лю Гуюй был способен услышать, о чём в этот миг думает Цинь Жунши, он непременно громко возразил бы: «Я щипаю! Щипаю! Щипаю, чтобы у тебя рот стал как у утки!»

Но Лю Гуюй этого не слышал. Он только увидел, как мягкая мочка уха Цинь Жунши мгновенно вспыхнула алым, а потом румянец разлился по щекам и шее. Через мгновение тот уже был красный, словно варёная речная креветка.

Цинь Жунши резко поднял руку и оттолкнул руку Лю Гуюя, а потом свирепо уставился на него.

— Лю Гуюй!

Лю Гуюй поджал губы и нарочно изобразил жалкий, невинный вид:

— Ой-ой... какой грозный.

Цинь Жунши совершенно не знал, что с ним делать. Он глубоко вдохнул, отложил книгу и принялся прибирать лоток. Взял тряпку и снова протёр и без того чистую доску, притворяясь, что очень занят.

Время понемногу шло, и людей на рынке становилось всё больше. Разносчик засахаренного боярышника ходил туда-сюда по улице, неся на плече соломенную мишень, всю утыканную тангулу. Чуть дальше старик рисовал сахарные фигурки. Рука у него была отличная: кошки и собаки выходили как живые, и вокруг столпились дети.

Время от времени по улице проходили крестьяне и крестьянки, продававшие овощи. Они толкали тележки, на которых лежала сочная белая редька, нежные, прямо истекающие зеленью люффа и зелень, а ещё кое-какие горные товары вроде грибов и бамбуковых побегов.

На рынке было шумно и оживлённо. Со всех сторон доносились крики мелких торговцев и разносчиков, голоса покупателей, торгующихся о цене, детский смех... К концу часа Иэнь, около пяти вечера, вся еда, которую приготовил Лю Гуюй, уже была распродана. Он взглянул на соседнюю лавку с гокуй, перед которой всё ещё стояли покупатели, и не стал тревожить Линь Синт-нян. Только поманил рукой Ло Майэр и подозвал девочку к себе.

Он насадил на бамбуковую шпажку последний боцзайгао, протянул его Ло Майэр и сказал:

— Майэр, мы с 'рланом пойдём немного пройдемся по рынку, купим кое-что. Скоро вернёмся. Если твоя мама к тому времени уже всё продаст, ждите нас у въезда в город!

Ло Майэр откусила кусочек мягкого пирожка и послушно кивнула Лю Гую. Только тогда Лю Гуй вместе с Цинь Жунши ушёл. Сначала они откатали тележку к рыночному складу, заплатили управляющему и оставили там вещи, а потом ушли.

Они отправились на мясной рынок, купили цзинь мяса и ещё взяли свиное ухо. В современности свиные уши стоили дороже мяса, но здесь люди, давно не евшие ничего мясного, больше любили жирное мясо, а постное было уже на втором месте. Поэтому свиное ухо, на котором почти не было мяса, стоило дёшево: одно ухо - восемь вэней. Когда Лю Гуй расплачивался, ему было совсем не жалко.

Купив мясо, Лю Гуй посмотрел на Цинь Жунши и спросил:

— Ты свою книгу уже дочитал, да? Хочешь зайти в книжную лавку и поменять на другую?

Цинь Жунши кивнул. Тогда они снова свернули в храмовый переулок, зашли в ту самую старую книжную лавку и принялись выбирать книги. За последнее время Лю Гуй часто приходил сюда брать книги напрокат, так что хозяин лавки уже узнавал его.

Хозяин, глядя на Цинь Жунши, с улыбкой сказал:

— Ай-я, маленький туншэн, тебе повезло! Твой старший брат так хорошо к тебе относится. Учись усердно, постарайся получить учёную степень и отблагодарить его!

Цинь Жунши невольно нахмурился. Ему хотелось возразить: Лю Гуй вовсе не его старший брат. Но он боялся, что, если скажет это, хозяин спросит, какие же у них отношения. Неужели тогда придётся сказать, что Лю Гуй - его невестка?

Цинь Жунши тем более не хотел этого говорить.

В конце концов он лишь вернул прежнюю взятую напрокат книгу, поклонился хозяину лавки и повернулся выбирать новую.

Лю Гуй тоже выбирал, но не для Цинь Жунши, а для Цинь Баньбань. Он хотел взять девочке медицинскую книгу. Нельзя же пренебрегать детской мечтой!

На самом деле Лю Гуй уже ходил по аптекам и спрашивал, согласится ли какой-нибудь лекарь взять девочку в ученицы. В итоге одни решали, что он нарочно пришёл устраивать неприятности, и прямо выгоняли его. Другие считали, что у него с головой неладно, и собирались прощупать ему пульс, чтобы поставить диагноз. Словом, никто не соглашался.

Дело с ученичеством у лекаря пришлось пока отложить. Лю Гуй решил, что сначала Баньбань будет сама разбираться по книгам, а уж потом, когда появится возможность, продолжит учиться глубже. В книжной лавке медицинские книги на продажу имелись, но тех,

что сдавали напрокат, было мало. Хозяин, естественно, не хотел отдавать новые книги в прокат: боялся, что их испортят или испачкают.

Лю Гуюй долго искал и наконец в самом углу вытащил одну простую медицинскую книгу - «Канон трав». В ней описывались свойства лекарственных трав, да ещё и были рисунки.

Лю Гуюй выбрал книгу, Цинь Жунши тоже выбрал свою. Они заплатили деньги и вышли из храмового переулка. Линь Синь-нян уже свернула свой лоток. Мать с дочерью ждали у въезда в город, и Лю Гуюй с Цинь Жунши поспешили к ним. После этого все вместе поехали обратно в деревню.

В дороге Линь Синь-нян, похоже, всё ещё думала о Юй-гэре и его жене. Она не удержалась и вздохнула:

— Эх, Юй-гэр встретил такого мужа - это его счастье... Если уж говорить, мой Цинчжу и Дашань тоже с детства вместе играли, чувства у них хорошие. Но Дашань, этот ребёнок, слишком почитателен к родителям. Боюсь, ради Цинчжу он всё равно не согласится отделиться от семьи... Эх...

Видя, как Линь Синь-нян тревожится, Лю Гуюй на самом деле хотел сказать: если уж дойдёт до такого, и с семьёй разделить нельзя, тогда можно разделить с мужем. Разве без кого-то одного жизнь не продолжается? Но эти слова были слишком смелыми. Даже Линь Синь-нян, при всей своей прямоте и любви защищать своих, не пожелала бы своему гэру развода.

Только потому, что такие мысли слишком глубоко укоренились: никто и представить не мог, что гэр тоже может развестись. В древности всё-таки ценили принцип «в семье лад - во всём лад» и всегда думали: потерпишь и как-нибудь проживёшь.

Впрочем, Линь Синь-нян лишь пожаловалась и больше не продолжала эту тему. Она взмахнула кнутом и погнала повозку к деревне.

Вернувшись в деревню, они попрощались у ворот. Лю Гуюй и Цинь Жунши понесли покупки домой.

— Матушка! Баньбань! Мы вернулись!

Мать с дочерью, готовившие на кухне, тут же выбежали навстречу. Увидев, что оба принесли немало вещей, они поспешили помочь. Цуй Ланьфан взяла нанизанные на соломенную верёвку свинину и свиное ухо. На словах она ворчала, но в глазах пряталась улыбка.

— Ай-я, снова мясо купили! Разве можно каждый день так есть!

Лю Гуюй усмехнулся и сказал:

— Где это каждый день! В прошлый раз мы всего-то сварили суп из рёбрышек, а с тех пор уже несколько дней прошло!

В доме была больная, да ещё двое подростков, которым пора расти. На другом можно было сэкономить, но на еде - никак. Лю Гуюй мог экономить на одежде: лишь бы было тепло, красота не важна. Но с едой он твёрдо решил: надо заботиться как следует! Будь сейчас условия получше, он бы, как в прошлой жизни, ел три раза в день, да ещё и каждый день с мясом!

Пока это было невозможно, но Лю Гуюй запомнил про себя: однажды он обязательно этого добьётся!

Сказав это, Лю Гуюй передал Цинь Баньбань «Канон трав».

— Баньбань, это книга, которую я взял для тебя. Медицинская. В свободное время почитай. Если будут незнакомые иероглифы или непонятные фразы, спрашивай брата!

Цинь Жунши, как всегда немногословный, тоже кивнул.

Вся семья радовалась. Лю Гуюй рассказал о сегодняшней торговле, и Цуй Ланьфан с дочерью заулыбались ещё шире. Насмеявшись, Цуй Ланьфан наконец вспомнила о важном и сказала:

— Завтра в деревне будут собирать осенний налог, из города приедут чиновники. Вы уж будьте осторожнее, на улицу выйдете - не столкнитесь с ними. Таких господ нам нельзя задевать!

После наставлений вся семья радостно поужинала и рано легла отдыхать.

На следующий день.

Осень в деревне Шанхэ тоже была необыкновенно красива. Закатное солнце постепенно опускалось, алые облака заслоняли гряды далёких гор. Изумрудные склоны покрылись багряным отблеском, лишь у самого края неба ещё смутно просачивался красный свет.

В это время над каждым домом поднимался дым от очагов: лёгкий, белёсый, словно тонкая вуаль, тянулся он к небу. Камыши у реки постепенно белели, а речные утки, выстроившись вереницей, ныряли в заросли, крикая и направляясь к воде. Их лапки быстро били по поверхности, расходились круги ряби.

Небольшой деревянный домик с двориком был обнесён бамбуковой изгородью. Под крышей щебетали две сороки, сидя на карнизе и вычёсывая друг другу пёрышки.

И как раз в это время Цинь Баньбань, словно такая же сорока, влетела во двор и закричала:

— Родила! Родила!

Лю Гуюй и Цуй Ланьфан, готовившие на кухне, один за другим вышли наружу. Цуй Ланьфан вытирала руки о передник, повязанный на поясе, и спросила:

— Кто родил?

— Собака тётушки Линь! А-Хуан!

Сначала она ответила Цуй Ланьфан, а потом Лю Гуюй с улыбкой посмотрел на Цинь Баньбань и спросил:

— Сколько щенков? Какого цвета?

Сегодня был не рыночный день, поэтому Лю Гуюй не пошёл торговать, а вот соседка Линь Синнян с дочерью ещё с утра отправились из дома. У них в доме никого не было, но Цинь Баньбань чуть раньше услышала, как собака всё лает и лает. Сначала она подумала, что, может, забрался вор, и тихонько приоткрыла ворота, чтобы выглянуть наружу. Только тогда она узнала, что у их беременной суки начались роды.

Она сказала Лю Гуюю пару слов и побежала смотреть. Девочка просидела рядом больше часа и совсем не уставала. В середине Лю Гуюй уже не выдержал и отнёс ей маленькую скамеечку.

Дом семьи Линь тоже был обнесён бамбуковой изгородью. Две большие собаки лежали во дворе по ту сторону ограды, а Цинь Баньбань сидела снаружи и подбадривала А-Хуан. Другая большая чёрная собака кружила рядом с сукой, тревожно помахивая хвостом. Время от времени она опускала голову и успокаивающе облизывала А-Хуан нос, но очень скоро получала лапой от раздражённой А-Хуан.

Цинь Баньбань просидела у двора семьи Линь больше часа. Лю Гуюй уже почти приготовил ужин, когда там наконец всё благополучно закончилось. Она радостно прибежала обратно и рассказала об этом всей семье.

Цинь Баньбань сияла от восторга, подняв голову:

— Всего родилось трое щенят! Один чёрный, один жёлтый - прямо как Да-Хэй и А-Хуан! А ещё один чёрно-жёлтый: спинка чёрная, а четыре лапки и животик жёлтые! Очень милый!

Девочка была так счастлива, что глаза у неё блестели, круглые и тёмные, словно две спелые виноградины. Видно было, как ей понравились трое щенков.

Услышав это, Лю Гуюй позвал Цинь Баньбань на кухню. Сначала он зачерпнул полчашки

бурого риса, потом полил рис двумя большими ложками мясного бульона. Он готовил дважды обжаренную свинину, а этот бульон остался после варки мяса. Лю Гуюй выскреб со дна котла мясные крошки и тоже добавил их в миску, всё перемешав.

— Тётушки Линь и Майэр дома нет, так что давай приготовим ей миску еды. А-Хуан только что родила щенят, сил наверняка потратила немало.

Линь Синь-нян уже давно говорила, что подарит им щенка, чтобы тот вырос и охранял дом, поэтому Лю Гуюй не скупился. Он наполнил миску для собаки до краёв и даже добавил два кусочка мяса.□

Собаки у Линь Синь-нян были выращены на славу: в деревне все знали, как хорошо они сторожат двор и дом. С тех пор как жители узнали, что большая собака её семьи оценилась, многие зажиточные семьи, которые могли позволить себе держать пса, уже приходили расспрашивать. Даже староста деревни заранее забронировал себе щенка и ещё денег дал!

Только Лю Гуюю Линь Синь-нян, из-за дружбы двух семей, сама предложила подарить одного щенка, чтобы тот помогал сторожить дом и двор. В прошлый раз, когда Эр Гоуцзы посреди ночи пробрался к дому семьи Цинь и хотел перелезть внутрь, именно две большие собаки его обнаружили. Обе семьи прекрасно это помнили.

Лю Гуюй передал миску Цинь Баньбань, но, подумав, забеспокоился: сука только родила щенят, вдруг станет защищать детёнышей и укусит? Ему стало не по себе, и он всё-таки пошёл вместе с Цинь Баньбань посмотреть.

Но Дахэй и А-Хуан были прекрасно выдрессированы. Обе собаки были очень умными и, похоже, давно узнавали Лю Гуюя и Цинь Баньбань. Когда те приблизились, они даже не зарычали. Более того, когда Лю Гуюй протянул руку и погладил А-Хуан по голове, та ещё и наклонила морду, потёршись о его ладонь. Материнская защита у только что оценившейся собаки - дело естественное, поэтому Лю Гуюй всё же не стал трогать трёх малышей, только наклонился поближе посмотреть.

Щенята были мокрыми и скользкими, как мышата. Честно говоря, с «милыми» они пока никак не вязались, но Лю Гуюй всё равно не смог не растрогаться.

А-Хуан послушно лежала на земле, опустив голову и вылизывая макушки щенков. Дахэй оказался куда сообразительнее. Его чёрные блестящие глаза повернулись, и он заметил миску с рисом и бульоном в руках Лю Гуюя. Пёс завилял хвостом, развернулся и убежал. Вскоре он вернулся, держа в пасти собачью миску, а затем воровато подтолкнул пустую миску к Лю Гуюю.

— Эй... да ты, псина, никак в духа превратился!

Лю Гуюй рассмеялся, раздвинул прутья изгороди и просунул внутрь миску, вылив рис с

бульоном в собачью плошку. Ещё и наставительно сказал:

— Это твоей жене! Сам не отбирай еду!

Неизвестно, понял ли Дахэй его слова или изначально не собирался есть, но в этот момент он наклонил голову и ткнулся мордой в шею А-Хуан, будто торопил её поесть. Собака сытно поела, потом легла и стала кормить щенят. Лю Гуюй и Цинь Баньбань присели рядом и ещё долго смотрели. Лишь когда Цуй Ланьфан выбежала и позвала их домой ужинать, они поднялись и ушли с пустой миской.

Вернувшись домой, они увидели, что Цуй Ланьфан и Цинь Жунши уже всё приготовили: еда стояла на столе, маленькие скамейки были аккуратно подставлены. Увидев, что они вошли, Цуй Ланьфан только улыбнулась и позвала:

— Скорее садитесь есть.

Четверо расселись за столом, и Цуй Ланьфан каждому положила палочками по куску дважды обжаренной свинины. Свинину готовили с солёными овощами, ещё добавили ферментированные чёрные бобы, и блюдо вышло что по виду, что по запаху, что по вкусу отменным. Отваренную свиную грудинку нарезали ломтями, обжарили на сковороде, вытопив из неё жир, потом добавили бобовую пасту и ферментированные бобы, чтобы раскрыть масляный аромат. Масло стало красным и блестящим, от одного вида текли слюнки. Затем туда же бросили солёные овощи и всё вместе быстро обжарили. Жирная часть подрумянилась и совсем не казалась приторной, а перед тем как снять с огня, в сковороду ещё кинули горсть зелёных ростков чеснока. Они дали аромат, добавили свежей зелени и сделали блюдо ещё аппетитнее.

Пока они ели, Лю Гуюй вдруг спросил:

— В следующем году нашей семье тоже придётся платить осенний налог, верно?

Эти два дня как раз были днями сбора осеннего налога. Из городка в деревню специально приходили служащие ямена, чтобы собрать зерновой налог. Лю Гуюй ещё вчера слышал, как Цуй Ланьфан вскользь об этом упоминала.

Стоило ей напомнить, как Лю Гуюй сразу вспомнил о полях, которые их семья недавно вернула. Услышав его вопрос, Цуй Ланьфан тоже невольно нахмурилась и начала тревожиться.

— Эх, с этим тоже хлопотно. Наши поля уж точно нельзя снова сдавать семье Чэнь, но в деревне только они одни пришлые. У остальных свои пашни есть, им и незачем брать землю у нас в аренду.

Она всё ещё думала о том, как бы снова сдать поля, и совсем не знала, что Лю Гуюй вовсе не

хотел сдавать землю, а собирался оставить её и обрабатывать самим. Но в семье не было никого, кто умел бы хорошо возделывать поля. Даже сам Лю Гуюй знал только способы удобрения земли, но никогда по-настоящему не работал в поле. По части практики он, пожалуй, уступал даже Цуй Ланьфан и остальным. Именно поэтому Лю Гуюй какое-то время не знал, как сказать об этом Цуй Ланьфан.

Пока он колебался, первым заговорил сидевший рядом Цинь Жунши. Он отложил чашку и палочки, посмотрел на Цуй Ланьфан и спокойно сказал:

— Матушка, раз сдать их не выходит, тогда и не будем сдавать. Оставим и будем обрабатывать сами.

Цуй Ланьфан была человеком без твёрдого мнения. Услышав слова Цинь Жунши, она тоже кивнула, но, кивнув, вдруг поняла, что что-то не так, и удивлённо спросила:

— Сами обрабатывать?

Цинь Жунши кивнул, потом взглянул на Лю Гуюя и сказал:

— У брата Лю есть способ улучшить землю. Теперь, когда поля у нас, как раз можно попробовать весной следующего года.

Раз уж Цинь Жунши начал, Лю Гуюю стало куда легче говорить. Он тоже кивнул и добавил:

— Если мой способ сработает как надо, урожай можно будет увеличить как минимум вдвое!

Услышав это, Цуй Ланьфан так широко раскрыла глаза, что они стали круглыми. Сейчас с одного му поля самое большее можно было получить двести пятьдесят цзиней зерна. А если удвоить, разве это не будет пятьсот цзиней? Небеса, да кто когда слышал о таком!